

Последняя сказка про Фиту, Евгений Замятин

А был тоже в городе премудрый аптекарь: человека сделал, да не как мы, грешные, а в стеклянной банке сделал, уж ему ли чего не знать?

И велел Фита аптекаря предоставить.

– Скажи ты мне на милость: и чегой-то мои жители во внеслужебное время скушные ходят?

Глянул в окошко премудрый аптекарь: какие дома с коньками, какие с петушками; какие жители в штанах, какие в юбках.

– Очень просто, – Фите говорит. – Разве это порядок? Надо, чтоб все одинаковое. Вообще.

Так – так-так. Жителей – повзводно да за город всех, на выгон. И в пустом городе – пустили огонь с четырех концов: дотла выело, только плешь черная – да монумент Фите посередке.

Всю ночь пилы пилили, молота стучали. К утру – готово: барак, вроде холерного, длиной семь верст и три четверти, и по бокам – закуточки с номерками. И каждому жителю – бляху медную с номерком и с иголки – серого сукна униформу.

Как это выстроились все в коридоре – всяк перед своей закуточкой, бляхи на поясах – что жар-птицы, одинаковые все – новые гривеннички. До того хорошо, что уж на что Фита – крепкий, а в носу защекотало, и сказать – ничего не сказал: рукой махнул – и в свою закуточку, № 1. Слава тебе, Господи: все – теперь и помереть можно...

Утром, чем свет, еще и звонок не звонил (по звонку вставали) – а уж в № 1 в дверь стучат:

– Депутаты там к вашей милости, по неотложному делу.

Вышел Фита: четверо в униформе, почтенные такие жители, лысые, пожилые. В пояс Фите.

– Да вы от кого депутаты?

И загалдели почтенные – все четверо разом:

– Это что же такое – никак невозможно – это нешто порядок... От лысых мы, стало быть. Это, стало быть, аптекарь кучерявый ходит, а которые под польку, мы – лысые? Не-ет, никак невозможно...

Подумал Фита – подумал: по кучерявому всех – не по-одинаковать, делать нечего – надо по лысым равнять. И сарацинам рукой махнул. Налетели – набежали с четырех сторон: всех – наголо, и мужеский пол, и женский: все – как колена. А аптекарь премудрый – чудной стал, облизанный, как кот из-под дождичка.

Еще и стричь всех не кончили – опять Фиту требуют, опять депутаты. Вышел Фита смурый: какого еще рожна?

А депутаты:

– Гы-ы! – один в кулак. – Гы-ы! – другой. Мокроно-сые.

– От кого? – буркнул Фита.

– А мы, этта... Гы-ы! К вашей милости мы: от дураков. Гы-ы! Желаем, знычть, чтоб, знычть... всем, то есть, знычть... равномерно...

Туча тучей вернулся Фита в № 1. За аптекарем.

– Слыхал, брат?

– Слыхал... – голосок у аптекаря робкий, голова в ситцевом платочке: от холоду, непривычно стриженому-то.

– Ну, как же нам теперь?

– Да как-как: теперь уж чего же. Назад нельзя.

Перед вечерней молитвой – прочли приказ жителям: быть всем петыми дураками равномерно – с завтрашнего дня.

Ахнули жители, а что будешь делать: супротив начальства разве пойдешь? Книжки умные наспех последний раз сели читать, до самого до вечернего звонка все читали. Со звонком – спать полегли, а утром все встали: петые. Веселье – беда. Локтями друг дружку подталкивают – гы-ы! гы-ы! Только и разговору: сейчас вольные в чуйках корыта с кашей прикатят: каша ячневая.

Прогулялся Фита по коридору – семь верст и три четверти – видит: веселые. Ну, отлегло: теперь-то уж все. Премудрого аптекаря в уголку обнял:

– Ну, брат, за советы спасибо. Век не забуду.

А аптекарь – Фите:

– Гы-ы!

А ведь выходит дело – один остался: одному за всех думать.

И только это Фита заперся в № 1 – думать, как опять в дверь. И уж не стучат, а прямо ломятся, лезут, гамят несудом:

– Э-э, брат, нет, не проведешь! Мы хоть и петые, а тоже, знычть, понимаем! Ты, брат, тоже дурей. А то ишь ты... Не-ет, брат!

Лег Фита на кроватку, заплакал. А делать нечего.

– Уж Бог с вами, ладно. Дайте сроку до завтрава.

Весь день Фита промежду петых толкался и все дурел помаленьку. И к утру – готов, ходит – и: гы-ы!

И зажили счастливо. Нету на свете счастливее петых.

1917 год